

ТРИПТИХ

1. Испытание верой

“ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ”

Собрались двенадцать апостолов.
Все святы, но кто же предатель?
Стучат кулачишками по столу,
Куда только смотрит Создатель.

Вдохнул убитый Учитель:
“У совести все мы в долгу...
Змею /да не скроет обитель/
Ищите вы в вашем кругу”.

Повисло глухое молчанье.
Косились. Кипело все. Жгло.
Сказал Леонардо печально:
“Само назови себя, Зло!
Рассядьтесь, все честные, по столу.
А веру предавший — уйди...”
Сидят все двенадцать апостолов,
И все у святых впереди.

Леонард Золотарев.

Каждое поколение художников ломает голову над разгадкой одной из главнейших тайн человечества: судьбы Веры. Почему человек не волен поступать так, как подсказывает ему совесть? Почему уходит в сторону от всех или, наоборот, хочет слиться с толпой? По словам Иннокентия Анненского, Достоевский не раз объяснял, как в одной человеческой натуре могут совмещаться две Иудины: и ядовито-колющая, и мучительно-раздавленная. Леонид Андреев продемонстрировал нестерпимое безобразие Иуды, его неслитность с жизнью, ничтожество перед Добром и Правдой.

Вот одна из самых глубокосодержательных картин человечества на библейский сюжет “Тайная вечеря” Леонардо да Винчи. За столом — двенадцать апостолов, слева и справа от Иисуса Христа. Кто из них, этих двенадцати — учеников Христовых, станет единственным, предаст своего Учителя, Веру, чье имя потом станет нарицательным? В противоположность Иуде — апостолы, люди Веры, несущие свет во мраке. Это пророки Пушкина, Лермонтова, Сервантеса, Мережковского... За ними — просвещение, они не дают успокоиться мысли, застыть ей в ограниченном самодовольстве.

Так что же за смысл в картине великого мастера? Кто же предатель? Само предательство еще не совершено, но Христос уже предвидит его. И эта картина как будущий суд над тем, кто предаст. И смысл картины — в последней строке, в такой концентрации духа:

Сидят все двенадцать апостолов,
И все у святых впереди.

Это из одноименного стихотворения нашего земляка, моего отца Леонарда Золотарева. Строка эта как мгновенный слепок с картины, с того, что было, есть и будет, как бы замерев в полотне на века. Как птица, пока не вылетевшая из гнезда. Как пушка, еще не выстрелившая. И птица сможет вылететь, и ядро упасть, а апостол предать. А пока апостолы

Стучат кулачишками по столу,
Куда только смотрит Создатель?

У кого-то уже нет Веры, у кого-то их, может быть, две — двоеверие, двоевластие над душой. И в итоге — распад, неверие и предательство. Легко отступить, сделать выбор в пользу другой веры, трудно потом. Слабому, не сильному духом проще отрешиться от морали. Перестал быть личностью — вписывайся в орбиту, смешивайся с массой. Фрейд указывал, что стремление к агрессии издавна свойственно человеку, тем более в экстремальной ситуации. И тогда свобода совести подменяется вседозволенностью, активностью массы; в стае легче не только выжить, но что-то от этого получать, имея коллективную безопасность.

Художнику в критической ситуации ясно, что только присутствие духа удерживает человека на уровне нравственности, когда многие отмежевываются от высоконравственной личности, а это, как отмечал тот же Фрейд, сделать гораздо легче, чем сплотиться вокруг нее.

Вдохнул убеленный Учитель:
“У совести все мы в долгу...
Змею /да не скроет обитель/
Ищите вы в вашем кругу”.

Совесь, которая посеребрила виски Творцу, кого коснулась из тех, что составляют окружение Иисуса Христа? Пока, к христианским заповедям невосприимчивые, апостолы в этот миг больше думают о себе, своей выгоде.

Повисло глухое молчанье.
Косились. Кипело все. Жгло.

И, стыдясь за их будущие поступки, которые неотвратимы, страшась их последствий, художник призывает покаяться тому, кто внешне уже сменил свои убеждения или собирается стать “слугой двух господ”. Ужасна именно половинчатость, хуже, чем свершившийся выбор.

Сказал Леонардо печально:
“Само назови себя, Зло!

Рассядьтесь, все честные, по столу,
А веру предавший, — уйди”.

“Загадка двух личин” /И.Анненский/ — видимо, в страхе, в желании уйти от ответственности. Вот тебе и независимость, вот и свобода выбора.

Леонардо да Винчи был во Флоренции не последним человеком, разумеется. Кому из первых лиц герцогства не нравились его очевидные отношения с герцогом? И вот великому флорентийцу пришлось закончить остаток жизни в изгнании, на чужбине, во Франции. Картина “Тайная вечеря” представляется “отмщеньем” великого художника жадной толпе, стоящей у трона. Здесь каждый из апостолов возможный вероотступник, ибо у каждого из них “все еще впереди”.

Как утвердиться в мире? Что для этого надо: изменить себе, поклониться всему, что сжигал, или сжечь все, чему поклонялся? Проблема Веры, проблема Совести — их решают художники всех времен и народов. Спаси человека от самоизоляции, цинизма, указать жизненный путь — вот что было всегда высшим предназначеньем искусства, ибо “у совести все мы в долгу”.

2. Три стихии

АЛЬБАТРОС

Временами хандра заедает матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда.

Грубо бросят на палубу, жертва насилья,
Опозоренный царь высоты голубой,
Опустив исполинские белые крылья,
Он, как весла, их тяжело влачит за собой.

Лишь недавно прекрасный, взвивавшийся к тучам,
Стал таким он бессильным, неловким, смешным!
Тот дымит ему в клюв табачищем вонючим,
Тот, глумясь, ковыляет вприпрыжку за ним.

Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

Шарль Бодлер

ДЕЛЬФИН

Он был подобен черной скользкой глыбе.
Он весь лоснился, лежа на волне.
Он вел корабль в большой путине к рыбе,
Играючи на малой глубине.

А у матросов жадных сохли губы
От предвкушения выпивки в порту.
Как скалы, неотесаны и грубы,
Они детьми резвились на борту.

Один рыгал на плавники спросонок,
Другой швырял обедки со стола.
Он терся об обшивку, как ребенок,
И пищу эту глотка не брала.

Он был Поэт, он вел других к удаче.
И гаркнул кэп: "Сеть на воду, пошел!!"
И, взрезанный винтами, по-собачьи
Кровавый ком забился среди волн.

Леонард Золотарев

Творчество роднит художников различных эпох. Диалог поэта с поэтом — это попытка разрешить вопросы, поставленные предыдущим автором, "переключка сердец в лабиринте судьбы" /Ш.Бодлер/. В поэте живет своя стихия — "Огненный Кратер" в его жажде гармонии, стремлении добиться совершенства. Поэтическое воображение, доводя до крайности, ставит художника в такую ситуацию, которая, проверяя на прочность, определяет судьбу.

В жизни люди носят маски, каждый, сообразуясь с обстоятельствами, выбрал себе роль. Поэт же, если он истинный, от природы естественен, искренен. Сберегая себя для исповеди — страстной, темпераментной, сохраняя в себе нравственность человека...

Передо мной два стихотворения — "Альбатрос" Шарля Бодлера и "Дельфин" Леонарда Золотарева. Две стихии — Небо и Вода, а судьба одна — третья стихия, в душе — "Огненный Кратер". Слово проходит сквозь Время, от поколения к поколению, от народа к народу. Какова же эволюция Поэта 19-го и конца 20-го веков?

Вот Шарль Бодлер, его "Альбатрос" /перевод В.Левика/:

Временами хандра заедает матросов.

В бодлеровских строках — символы, широкие обобщения. Но что мешает Поэту в его взлете, свободном парении? Подобно альбатросу, идет он по палубе под издевательства толпы, "опустив исполинские белые крылья". Родная стихия для него — поднебесье, где он парит

“под грозой, в урагане, недоступный для стрел, непокорный судьбе”.

Альбатрос, — он прекрасен в своей стихии, он властелин морских просторов, горд и независим. Как Поэт по призванию, “провожающий в бурной дороге суда”. Какая же участь уготована альбатросу?

Тот дымит ему в клюв табачищем вонючим,
Тот, глумясь, ковыляет вприпрыжку за ним.

Альбатрос — игрушка в руках матросов. Когда опасности позади, можно ведь и позабавиться. Толпа, которую Пушкин называл “чернью”, за измененность ее инстинктов, отказывает альбатросу в свободном и дерзновенном полете. Потому что душа его горит священным огнем, а “исполинские белые крылья” жаждут полета.

Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.

По мысли Бодлера — сердце Поэта истекает кровью из-за невозможности полностью отдать себя людям. Как важно при этом сберечь душу, чтобы духовные силы поэзии передать все же людям, добру их и счастью.

А вот стихотворение “Дельфин” Леонарда Золотарева, нашего современника. И тоже о Поэте и людях, о поэтической судьбе. Купаясь в родной своей водной стихии, дельфин, как и поэт, бескорыстен, ведя корабль к удаче, добру, счастью.

Он был подобен черной скользкой глыбе.
Он весь лоснился, лежа на волне.
Он вел корабль в большой путине к рыбе...

Матросы же, “неотесаны как скалы”, не больно-то отличаются они от стихийных, слепых сил природы. Они грубы, прямодушны “в предвкушении выпивки в порту”.

Один рыгал на плавники спросонок,
Другой швырял объедки со стола.
Он терся об обшивку, как ребенок,
И пищу эту глотка не брала.
Он был Поэт, он вел других к удаче...

А для матросов это еще и забава. Они уверены, что такой порядок вещей естественен, справедлив, если они вообще о чем-либо задумываются когда-то. И тут миг удачи! И дельфин уже не нужен команде.

И гаркнул кэп: “Сеть на воду, пошел!!”
И, взрезанный винтами, по-собачьи
Кровавый ком забился среди волн.

Судьба Поэта — от бодлеровского “Альбатроса” к “Дельфину”. От равнодушия толпы, нежелания пустить в небо Поэта, даже от глумления над ним, до крайней степени равнодушия, граничащей с преступлением против человечности, вплоть до его физического уничтожения. Говорят, каково общество, таковы и поэты. Наверно, общество может быть разным, но отличие поэтов, если они настоящие, чисто внешне. Океан поднебесья и Океан океана — обе эти стихии, кажется, для разных поэтов. Но что у них общее, что в них одно, так это третья стихия — “Огненный Кратер”, который бушует в груди, взывая к борьбе со скверной, за очищение, за возрождение человека. Та стихия, что, как на ладони, раскрывает Поэта перед людьми.

А что касается “матросов”, у которых, как говорится, нет проблем и нет вопросов, так они уже обвиняют “альбатросов” и “дельфинов” и от слов переходят к действию...

Поэт же, отдавая людям свой негасимый, Прометеев огонь, испепеляя себя, расширяет круг тех, кого греет этот священный огонь. Кого увлекает его стихия, кто понимает уже не только умом, но и сердцем написанное когда-то: “Вначале было слово”.

3. Степная рапсодия

СКИФЫ

Если б некогда в гости я прибыл,
К вам, мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.

Мне не трудно далась бы наука
Подждать матерого тура.
Вот — я чувствую гибкость лука,
На плечах моих барсова шкура.

Словно с детства я к битвам приучен!
Все в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем.

Из пловцов окажусь я лучшим,
Обгону всех юношей в беге;
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге.

Истукан на середине деревни
Поглядит на меня исподлобья.
Я увижу лик его древний,
Одарить его пышно — готов я.

А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики. —
На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.

Я буду, как все, — и особый.
Волквы меня примут, как сына.
Я сложу им песни для пробы,
Но от них уйду я в дружину.

Гей, вы! Слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.

Валерий Брюсов
1900 г.

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.*
Владимир Соловьев.

СКИФЫ

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы мы! Да, азиаты мы!
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя ваши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обида множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.

Мы помним все — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душистый, смертный плоти запах...
Винновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно, — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем братья!

А если нет, — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Александр Блок
30 января 1918 года.

САРМАТЫ

Сарматы кочевали по степям —
Сыны ветров, нечесаны, лохматы.
Гоняли дроф, копытили бурьян,
Пасли коней, — на то они сарматы.

Сидели вечерами у костра.
Огонь им красил бронзовые лица.
И мысль была упруга и густа,
Как молоко в жеребой кобылице.

Там, за степями, — холод, злоба, тьма,
Все плохо, что сармату непонятно.
А где-то уже строили дома,
Трубу вели на солнечные пятна.

А где-то возвеличивали трон,
Кого-то фараонами венчали.
И подданные, тужась испокон,
Златые троны спинами качали.

А тут страшил сарматов синий лес.
В нем, топком, племя русских и бесстрашных.
Не боги, не сошедшие с небес,
Но верят в солнце, пашут свои пашни.

Крутоголосы. Кратки, как скакун.
Такого близко видеть лучше мертвым...
Сидит сармат — нетесанный валун,
Седой курган, задумчивый и гордый,

Весь свой ковыльный озирает путь...
Горел костер. Варились жеребьята.
Сармат ладони жирные о грудь
Отер, вздохнул, — на то они сарматы.

Дрожала степь от криков и телег.
Жила, жестоким полымем объята.
Ему свое казалось лучше всех,
И только пыль осталась от сармата.

И лишь курган. В кургане грозный трон,
Охранное оружие из стали.
И мертвый правил мумиями он,
Пока живые прах не раскопали.

Потом, как в лик, уставясь в свой чурбан,
Вновь над курганом возведут курган.
И, хоть отковылились ковыли,
Сарматами все тянет из земли.
Все тени кровь кипучую тревожат.
То бросят вскачь, то тут же и стреножат.

Леонард Золотарев
24 июня 1969 года.

Народ и его судьба. В прошлом видеть настоящее, в настоящем предугадать будущее, чтобы сберечь свое, национальное, не отстать от цивилизации...

В одноименных стихах Валерия Брюсова и Александра Блока "Скифы", в стихотворении Леонарда Золотарева "Сарматы" — эпос, судьба народа, в недрах которого — судьба личности, судьба самого поэта.

В "Скифах" Брюсова чеканен литой слог поэзии. Рельефны образы, походящие на афоризмы, зримы ощущения. Поэт как бы отрешивается от не угодной ему современности и возвращается к древности, овеванной волей, романтикой.

Уже вначале Поэт не боится заявить о своей незаурядности:

Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.

Брюсовский историзм проявляется в предчувствии обреченности миропорядка накануне 1905 года. Скифы могли бы гордиться не только наблюдательностью их потомка, но и его вольным духом, любовью к независимости.

Словно с детства я к книгам приучен!
Все в раздолье степей мне родное!

Цельная натура Поэта не раздавлена рефлексией. Голос его размерен, торжественен. Речь идет о героизме предков, к чему готов и он, их потомок.

И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным боем.

Строка патетична, взволнованна, подобно звону клинков, натянутой тетиве. Поэт весь в обновлении, в охватившем его порыве обрести гармонию. Слиться с суровой, но вольной жизнью предков. Заглянуть в будущее, завоевать его в сражении, как это делали предки. Обучиться у волхвов провидческому дару.

А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики, —
На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.

Поэт знал, что за ним пойдет новое поколение поэтов, разделяя тяготы своего народа, его победы и беды.

Гей, вы! Слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жадному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.

Александр Блок написал своих “Скифов” 30 января 1918 года, в то грозное время, когда каждого обжигала мысль, что станет с Россией. Катаклизмы от двух российских революций разъедали Россию откровеннее, чем Европу. Блокские “Скифы” — это разлад человека с историей, дисгармония в отношениях между Россией и Европой. И если отец А. Блока считал, что мы проглядели свою самобытность, а западники вообще не увидели нашей национальной самобытности. Если отец поэта, как и ранее Достоевский, был убежден во “всемирной отзывчивости” русского народа, то сам поэт искал иной выход.

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!

Бесполезны попытки задушить проявление народного духа как вечное обновление. Вековечна поступь России, определенная ей историей и географией:

Мы — как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы...
Вы сотни лет глядели на Восток,

Копя и плава наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Душу России — этого Сфинкса, не дано понять тому, кто не любит
ее, кто к ней враждебен.

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Самой же России понятны другие народы, чаяния.

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений.
Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.

Революция воспринимается Поэтом как страшный суд. Обострен раскол между личностью и обществом, и только грядущее способно восстановить истину и справедливость. Человечеству нужна смена ситуации. Излом кажется Блоку столь грандиозным, что он в своих “Скифах” сравнивает его с переходом от античной к средневековой цивилизации. Идея союза личности с историей — центральная идея “Скифов”.

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем братья!

Своевременна, оптимистична именно сейчас, в наше время, пророческая мысль о том, что найдутся силы у России для будущего.

Придите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит...

Грозно пророчество, пронзителен дух в блоковской строке. И если у Брюсова слово — краска, то у Блока оно осязаемо, зримо. Оно — музыка, порыв и озарение, поиск всемирной гармонии. Оно — тайна.

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивых.

И вот каковы начальные строки из стихотворения “Сарматы” Леонарда Золотарева:

Сарматы кочевали по степям —
Сыны ветров, нечесаны, лохматы.
Гоняли дроф, копытели бурьян,
Пасли коней, — на то они сарматы.

В одном четверостишии — образ жизни сарматов. И тут же ирония: “На то они сарматы”.

Сарматы живут в генетической памяти. Эти сыны еще доскифских степей — они растворились в недрах, в крови народов. И сарматы как бы в вечном раздумье над тем, почему так получилось, а не иначе, как устроена жизнь.

Сидели вечерами у костра.
Огонь им красил бронзовые лица.
И мысль была упруга и густа,
Как молоко в жеребой кобылице.

Пластична картина, музыкально-размерен слог при емкости мысли. В насыщенности деталями — колорит времени. “Сыны ветров, нечесаны, лохматы”, — образ мгновенно откладывается в памяти. И тут же снова ирония, кстати, она в такой строке:

И подданные, тужась испокон,
Златые троны спинами качали.

Развернутая метафора позволяет оттенить поэтический смысл сказанного о сарматстве как о синониме невежества, дикости, идолопоклонства, которые вечно сотворяют кому-то кумир. Прямая противоположность тем, кто ценит свободу, свободный труд на земле.

Не боги, не сошедшие с небес,
Но верят в солнце, пашут свои пашни.
Крутогослы. Кратки, как скакун.
Такого близко видеть лучше мертвым.

За медью голоса, сменой ритма так и слышишь поскок коня, меняющийся цокот копыт. В степях у себя “сидит сармат — нетесанный валун, седой курган, задумчивый и гордый”. И зрима, деталью отточена ось стихотворения:

Сармат ладони жирные о грудь
Отер, вздохнул, — на то они сарматы.

Опять же авторская ирония оттеняет мысль о дикости, необузданности сарматов, которые заставляют пылать степь огнем. И, утверждая свою власть над мумиями, держать при себе постоянно “охранное

оружие” в саркофагах. Утверждая себя, культ своего трона, не замечая иные миры. Где уже вольно пашутся пашни, ведут трубу подозрную на солнечные пятна, хотя

Там, за степями, — холод, злоба, тьма.
Все плохо, что сармату не понятно.

В том же древнем Египте строили уже не только дома, но и возводили одно из семи “чудес света” — пирамиду Хеопса. По солнцу сверяли жизнь. Другая цивилизация, иные миры. И душит сармата, теснит тлен могил.

Казалось бы, все это кануло в вечность. Ан нет, живуч же сармат! По-прежнему правит он мумиями в древнем кургане, “пока живые прах не раскопали”. Сарматская кровь генетически — в поколениях, которые

Потом, как в лик, уставясь в свой чурбан,
Вновь над курганом возведут курган.

Курганы стоят по степи, грехи наследия давят на плечи — треножат, не дают броситься вскачь. Генотип держит нас в мире кочевья, не дает вынестись в мир реальной оседлости. Ох, уж эти сарматы!